

В. А. Мещеряков, А. Л. Осипенко

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена проблемным вопросам использования электронной цифровой информации в уголовном процессе. Рассмотрены особенности современных способов представления цифровой информации и вовлечения электронных цифровых объектов в процесс доказывания.

Ключевые слова: доказательство, электронный цифровой объект, способ представления информации, событие преступления.

V. A. Mescharikov, A. L. Osipenko

PROSPECTS OF THE USE OF ELECTRONIC DIGITAL OBJECTS IN CRIMINAL PROCEDURE

The article is devoted to the problematic issues of the use of electronic digital information in criminal procedure. The authors analyze the peculiarities of up-to-date ways of representing digital information and application of electronic digital objects in the proving process.

Keywords: evidence, electronic digital object, way of representing information, event of crime.

Понятие доказательства является одним из центральных в уголовном процессе и достаточно четко определено в ст. 74 УПК Российской Федерации (далее — УПК), в соответствии с которой к доказательствам отнесены:

- показания подозреваемого, обвиняемого, показания потерпевшего, свидетеля;
- заключение и показания эксперта;
- заключение и показания специалиста;
- вещественные доказательства;
- протоколы следственных и судебных действий;
- иные документы.

Широкое внедрение средств информатизации и вычислительной техники практически во все сферы человеческой деятельности привело к тому, что в своей практической деятельности при расследовании преступлений правоохранительным органам приходится сталкиваться с информацией, представленной в электронной форме, электронными документами и иными компьютерными объектами, которые не могут быть однозначно отнесены ни к одному из видов доказательств, определенных в названной выше статье УПК, несмотря на их информационную значимость для расследуемого уголовного дела. Данная ситуация характерна не

только для расследования специфических преступлений, предусмотренных гл. 28 УК Российской Федерации (далее — УК) «Преступления в сфере компьютерной информации», но и для более «традиционных» преступлений, таких, как налоговые преступления и преступления в экономической сфере, т. к. практически вся бухгалтерская отчетность в настоящее время готовится с использованием компьютера, а теперь и представляется в федеральную налоговую службу по электронной почте с использованием Интернета.

В связи с этим вопросы четкого уяснения роли и места электронных документов, иных электронных цифровых объектов в уголовном процессе и криминалистике приобретают все большую актуальность и требуют своего незамедлительного разрешения. Одним из важнейших из них является четкое и однозначное определение всех категорий объектов, с которыми приходится сталкиваться при использовании информационных технологий и средств вычислительной техники.

Нынешнее положение в сфере правового регулирования информационных правоотношений и использования компьютеров существенно отличается от правового вакуума, наблюдавшегося

в 90-х гг. прошлого столетия. Так, в настоящее время правоотношения в информационной сфере регулируются несколькими десятками федеральных законов, среди которых в первую очередь следует выделить:

— Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1];

— Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [2].

В развитие данных законодательных актов было принято значительное количество подзаконных актов, которые детализируют базовые принципиальные положения названных выше федеральных законов.

Особенный вклад в разработку обозначенного направления и создания условий для практического использования компьютерной информации и электронных документов в уголовном процессе и криминалистике внесли представители науки. Несмотря на наличие определенного нормативного правового регулирования информационных правоотношений, большинство публикаций и высказанных различных точек зрения все они отталкиваются от закрепленного в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определения того, что информация — это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Аналогичные формулировки закреплены в стандартах и иных ведомственных документах.

Расширение данного определения до категории «компьютерная информация» происходит лишь за счет указания на специфическую форму представления этой информации, не меняя самой сути понимания того, что информация — это набор сведений о чем-либо. Однако нам представляется, что такой подход не совсем оправдан (по крайней мере, для уголовного процесса). Обоснованный и справедливый до определенного момента, он практически исчерпал себя в настоящее время и становится реальным тормозом на пути эффективного использования электронных документов и иных электронных цифровых объектов в практической деятельности

правоохранительных органов. Наиболее образно данную ситуацию охарактеризовал министр внутренних дел Великобритании Джек Струоу на встрече руководителей правоохранительных ведомств восьмерки крупнейших индустриальных стран мира, проходившей в декабре 1997 г. в г. Вашингтоне, сказав: «Мы используем инструменты и методы XIX века, пытаюсь отвечать на вызовы и проблемы XXI века».

Достаточно легко показать (что неоднократно уже делалось рядом исследователей), что такой подход к пониманию категории «информация» оправдан только в том случае, если предположить, что единственной формой представления информации является ее выражение в виде некоторых знаков на бумажном или ином схожем по своей природе материальном носителе (пластике, дереве и т. п.), а единственным субъектом, воспринимающим эту информацию, является человек. Только человек способен в наличии или отсутствии определенных знаков или их последовательности увидеть те или иные сведения о чем-либо. Компьютер либо другая машина, считав такую же последовательность знаков, каких-либо сведений (или знаний) о чем-либо не получит. Для их интерпретации или «превращения» в сведения необходима значительная и весьма интеллектуальная работа (для вычислительной техники это исполнение машинного кода программы, реализующей соответствующий алгоритм). В противном случае приобретение знаний (совокупности взаимосвязанных сведений), как справедливо отметили В. А. Конявский и В. А. Гадасин, сводилось бы к покупке книги, а не ее прочтению и изучению [3].

Однако до недавнего времени практически вся значимая для человечества информация была представлена в виде бумажных документов, и приведенный выше подход к пониманию категории «информации» достаточно эффективно использовался практически во всех сферах человеческой деятельности.

В связи с бурным развитием средств вычислительной техники, совершенствованием информационных технологий все активнее стали появляться новые электронные или электронно-

цифровые способы представления информации. Однако первые робкие шаги информатики существенного влияния на представление о сущности информации практически не оказали, и, лишь отдавая дань появившейся возможности существования иных форм представления информации (как сведений о чем-либо), в рассматриваемое определение было включено замечание относительно независимости от формы представления. Тем не менее, формулируя базовую юридическую категорию «информация» в изменившихся условиях широкого внедрения электронно-вычислительной техники, а также с учетом и уже нового философского осмысления произошедших изменений [4] законодатель отказался коренным образом пересматривать представления об этой категории, а пошел по традиционному пути эволюции, расширяя сферу применения уже имеющегося определения.

Как было отмечено выше, данный подход был справедлив и имел право на существование до определенного момента времени. Если мы обратимся к категориям, используемым в информатике в 70—80-е гг. прошлого столетия, то увидим, что все обрабатываемые или используемые в каком-либо виде объекты достаточно четко делились на программы и данные [5]. В этих условиях можно было провести параллели между традиционными документами (на бумажном носителе) и электронными документами (такими же документами, но представленными в электронной форме — данными в терминологии информатики).

Действительно, файлы, содержащие текстовый документ (например, нынешний формат TXT), практически полностью соответствовали документу на бумажном носителе, а наличием в нем дополнительных специальных непечатаемых символов, таких, как конец строки / конец абзаца (некий эквивалент «возврат каретки» на пишущей машинке) и т. п., можно было пренебречь. Различные виды информации (текст, изображение, оцифрованный звук) хранились отдельно друг от друга (в отдельных файлах) с использованием различных форматов и никогда не включались в единый файл.

Именно такое положение вещей и было закреплено в Законе Российской Федерации от 23 сентября 1992 г. № 3523-1 «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных» [6], который в ст. 1 «Основные понятия» дал определение таким категориям, как «программа для ЭВМ» и «база данных». Однако уже и здесь наметились определенные проблемы, когда в категорию «программы для ЭВМ» были включены подготовительные материалы, полученные в ходе ее разработки (читай машинные распечатки и рукописные документы — традиционные документы на бумажном носителе, с позиции криминалистики), и порождаемые ею аудиовизуальные отображения.

С данной трактовкой (с определенными изначальными оговорками и учитывая год принятия указанного законодательного акта и соответствующий уровень развития информатики) понятия «программы для ЭВМ» можно было бы согласиться в целях установления правовой охраны авторских прав (в рамках гражданского законодательства), но с точки зрения уголовного процесса и криминалистики с таким подходом уже соглашаться было нельзя.

Первым «звоночком», наглядно показавшим нарастающий кризис изложенного подхода, был бум распространения компьютерных вирусов. Компьютерный вирус представляет собой программу, которая, выполняя определенные деструктивные действия, копирует саму себя в различные места хранения информации. При этом, с одной стороны, компьютерный вирус выступал в качестве программы, поскольку содержал совокупность процессорных команд, реализующую определенный алгоритм, а с другой — являлся данными, которые при копировании переписывались в различные участки внешней памяти компьютера.

Возникшие противоречия и неразрешенные вопросы стали усугубляться в связи с интенсивным развитием технологии программирования и широким внедрением сети Интернет. Так, в 90-х гг. прошлого столетия получила бурное развитие концепция объектно-ориентированного программирования и идея

создания распределенных систем по технологии «клиент-сервер», поддерживаемая бурным развитием систем программирования C++, Delphi, Java и ряд других, где на первый план выходила категория «объекта» [7].

В объектно-ориентированном подходе отсутствовала четкая граница между данными и программами. Все процессы в автоматизированной информационной системе описывались на основе иерархической системы объектов, которые по определенным правилам обменивались между собой сообщениями. При этом каждый объект включал в свой состав определенные структуры данных и методы (фактически программы работы с поступающими в данный объект сообщениями и внутренними данными). Эту технологию активно используют практически все популярные офисные средства создания документов.

Благодаря объектно-ориентированному подходу стало возможным создавать файлы документов не каждый раз заново, а использовать определенные уже имеющиеся и специально оформленные в виде самостоятельных файлов наработки (так называемые шаблоны). Кроме того, в рамках одного объекта становится возможным собрать различные формы представления информации: специально отформатированный текст, изображение, звук, видеоряд и др. Данная форма представления информации позволяет хранить отдельные фрагменты (изображения, звук и т. п.) как в составе одного файла, так и в разных файлах, обеспечивая требуемую взаимосвязь с помощью включения взаимных ссылок.

Технология «клиент-сервер», используемая при создании автоматизированных информационных систем, подразумевает разделение всех функций по обработке информации между двумя основными участниками информационного взаимодействия: «сервером» — компьютером (а иногда и целым компьютерным кластером), играющим основную, но не обязательно активную роль, и «клиентом» — компьютером, обеспечивающим взаимодействие с человеком-пользователем автоматизированной информационной системы и, как правило,

формирующим запросы к «серверу» для решения тех или иных задач.

Сочетание объектно-ориентированного подхода и технологии «клиент-сервер» позволило реализовать не только динамические документы, но и индивидуальные профили для каждого из пользователей этих динамических документов. Такое сочетание очень широко используется в настоящее время в сети Интернет при создании крупных информационных порталов, включающих сотни тысяч разнородных объектов (текстов, изображений, оцифрованного звука и видео и т. п.).

Под динамическими документами мы понимаем ситуацию, когда каждая реализация (конкретный вид) документа не хранится в виде единого целого на серверном компьютере, а собирается, что называется, «на лету», по запросу пользователя из отдельных фрагментов, которые, в свою очередь, хранятся в различных таблицах и базах данных, оформленных в виде самостоятельных файлов. Такой собранный документ отправляется по каналу связи и предъявляется пользователю, пославшему соответствующий запрос.

С точки зрения уголовного процесса и криминалистики в данной ситуации возникает несколько крайне интересных моментов.

Во-первых, итогового (сбранного из отдельных частей) документа, который получил пользователь по своему запросу от сервера, на самом сервере (в том виде в каком его получил пользователь) нет и никогда не было. На сервере хранятся лишь отдельные фрагменты, из которых может быть собрано огромное количество вариантов итоговых документов.

Во-вторых, над крупными информационными порталами, например, электронными (в смысле Интернет, а не телевидение или радио) средствами массовой информации работает целая редакция, — многочисленный коллектив журналистов, Web-дизайнеров, авторов отдельных заметок и других «креативных» сотрудников. Каждый из них отвечает за определенную сферу деятельности и работает по своему собственному временному графику. Результаты своей работы, по мере готовности, каждый из сотрудников сохраняет в соответствующих файлах баз данных,

как раз и выступающих в качестве хранилищ отдельных составных элементов, из которых затем по запросу пользователя будет собираться итоговый документ. Таким образом, тот же самый пользователь, обратившись к серверу с того же самого компьютера («клиента») с тем же самым запросом через некоторое время может получить совершенно другой итоговый документ (причем не только с отдельными измененными элементами, но и совсем с другой структурой и другим содержанием). В качестве примера можно поэкспериментировать в Интернете со сложными запросами к новостным сайтам, таким, как www.Lenta.ru, www.computerra.ru и подобным им.

Реализация «индивидуальных профилей» для каждого пользователя подразумевает, что для удобства взаимодействия с большими информационными порталами сервер формирует определенную информацию об истории взаимодействия каждого конкретного пользователя (точнее компьютера-клиента) с информационными ресурсами, размещенными на портале, и сохраняет ее в виде специальных файлов (так называемые — cookies) на компьютере пользователя. Благодаря этому механизму достигается индивидуальная настройка сервера под запросы каждого отдельно взятого пользователя:

- очередность выдачи информации (когда часто спрашиваемая информация предъядвляется первой);

- включение или отключение определенных режимов (количество цветов и разрешение монитора) для удобства отображения информации;

- и, наконец, даже само информационное содержание формируемых документов.

Например, большинство электронных журналов по информационным технологиям и программированию, размещенных в сети Интернет, предлагает несколько предустановленных профилей посетителей (пользователь, программист, системный администратор). Таким образом, один и тот же запрос, направленный в одно и то же время к одному и тому же серверу, но от различных

компьютеров-клиентов, может привести к получению различных итоговых документов.

Изложенные информационные технологии находят широкое применение при создании современных автоматизированных систем в самых различных сферах человеческой деятельности, поскольку данный подход позволяет реализовать очень гибкие информационные решения, способствующие существенному повышению эффективности программирования, наглядности представления информации в автоматизированных информационных системах и обеспечению исключительного удобства пользования огромными информационными массивами большому числу людей. К большому сожалению, все чаще подобные автоматизированные информационные системы становятся средой совершения различных преступлений.

Внимательное изучение рассмотренных выше информационных технологий наталкивает на закономерный вопрос о том, можно ли все это многообразие взаимосвязанных разнородных информационных объектов назвать электронным документом? Если нет (а такой вывод напрашивается быстрее всего), то что это? Как все это называется, и каким образом его можно использовать в уголовном процессе?

В связи с изложенным нельзя не обратить внимание на существование ряда точек зрения, в соответствии с которыми рассмотренное выше многообразие информационных объектов втискивается в «прокрустово ложе» категории электронного документа и предпринимаются попытки в этом виде их использовать в уголовном процессе и криминалистике.

К сожалению, все это приводит к весьма расплывчатым и чрезвычайно общим определениям. Так, Т. Э. Кукарникова определяет электронный документ как «объект, несущий информацию, имеющую смысловое значение, и существующий только в электронной среде» [8].

Даже в Указаниях Центрального банка Российской Федерации, одной из наиболее подготовленных в информационном смысле государственных структур, дается весьма расплывчатое определение электронного

документа: «Электронный документ — документ, передаваемый по каналам связи или иным образом (на магнитных, оптических носителях)» [9].

При таком подходе к документам возможно отнесение практически любых объектов, с которыми приходится иметь дело при создании и эксплуатации автоматизированных информационных систем, в т. ч. и аудио-, видеозаписи, фотографии, созданных и сохраненных на магнитных носителях, оптических дисках, перфокартах и т. п.

Следует отметить, что ст. 1 Федерального закона от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» звукозаписи и изображения, предназначенных для передачи во времени и пространстве в целях хранения и общественного использования, прямо отнесены к категории документов. Даже дискеты, обычные магнитные носители информации, в соответствии с одной из классификаций электронных документов, предложенной С. В. Андреевым, отнесены к категории электронных документов [10].

На наш взгляд, такое широкое толкование категории «электронного документа» (возможно, уместное для гражданского и информационного права) совершенно недопустимо для уголовного процесса и криминалистики, поскольку не позволяет разграничить различные по криминалистическим свойствам, механизмам слепообразования и следовосприятия объекты, следовательно, правильно оценить их с точки зрения возможности использования в качестве доказательств в каждом конкретном случае. По нашему мнению, рассмотренные выше динамические информационные объекты не могут быть признаны ни документами вообще, ни электронными документами в частности.

В связи с изложенным представляется целесообразным введение новой категории, которая бы адекватно отражала сложившуюся ситуацию в информатике, обозначала бы те объекты, которыми оперируют автоматизированные информационные системы, и могла бы быть эффективно использована в уголовном процессе и криминалистике. При этом

данная категория должна занять промежуточный уровень между представлением информации в виде дискретных электронных сигналов («0» и «1») и объектами, несущими определенное смысловое значение (информации о чем-либо) и непосредственно воспринимаемыми человеком. Ряд интересных и заслуживающих внимания предложений высказаны в последнее время в этом направлении некоторыми исследователями.

Необходимость рассмотрения этой новой и достаточно специфической для криминалистики совокупности электронных цифровых объектов, выработки рекомендаций по возможности и формам их использования в уголовном процессе очевидна, поскольку человечество вступает в новый цифровой век. При этом переход в этот век является таким же качественным скачком, как переход из века каменного в бронзовый: меняется не только материал, из которого сделан топор, но и психология, экономическое и социальное устройство общества, а вслед за ним и право с его юридическими конструкциями.

Существующие законодательные акты, предоставляющие определенные дефиниции в области информационных отношений, существенно устарели, не успевают за развитием технической базы и могут более или менее адекватно использоваться только для регулирования правоотношений в гражданско-правовой сфере. В криминалистике и уголовном процессе от их использования больше путаницы и противоречий.

Радикальным способом разрешения сложившейся ситуации является формирование соответствующей главы УПК, которая ввела бы соответствующие понятия и установила порядок и формы использования специфических электронных объектов в уголовном процессе, корректно определила бы специфику следственных действий в отношении компьютерных объектов. Попытки приведения электронных объектов к существующим понятиям традиционного бумажного документа методологически бесперспективны. Уже доказано, что между бумажным документом и его электронным вариантом нет и не может быть тождества. В данном случае можно говорить лишь о

функциональной эквивалентности (например, обычные деньги и электронные деньги).

Первым шагом в данном направлении могло бы стать уточнение ст. 74 УПК путем включения в состав доказательств электронных документов и приведение определения электронного документа в форме примечания к названной статье. Данное изменение позволило бы четко разграничить, что из электронных объектов можно было бы сразу включать в материалы уголовного дела в качестве доказательств, а что требовало бы заключений эксперта или специалиста.

Список библиографических ссылок

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
2. Об электронной подписи: федер. закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
3. Конявский В. А., Гадасин В. А. Системное отличие традиционного и электронного документа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.document.ru/readingroom/edoc> (дата обращения: 10.02.2012).
4. Философский энциклопедический словарь / под ред. С. С. Аверинцева [и др.]. М., 1989. С. 222—223.
5. Кнут Д. Искусство программирования для ЭВМ. М., 1978.
6. О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных: закон Российской Федерации от 23 сентября 1992 г. № 3523-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 42. Ст. 2325.
7. Буч Г. Объектно-ориентированный анализ и проектирование с применением приложений на С++ / пер. с англ. М.; СПб., 2000.
8. Кукарникова Т. Э. Электронный документ в уголовном процессе и криминалистике: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003.
9. О внесении изменений и дополнений в «Правила ведения бухгалтерского учета в кредитных организациях, расположенных на территории Российской Федерации» от 18 июня 1997 г. № 61: указание Центрального банка РФ от 30 марта 1998 г. № 196-У // Нормативные акты по банковской деятельности. 1998. № 9.
10. Андреев С. В. Проблемы теории и практики криминалистического документоведения. Иркутск, 2001.
11. Мещеряков В. А., Агибалов В. Ю. Виртуальные следы электронных документов в компьютерных системах // Воронежские криминалистические чтения: сб. науч. тр. Вып. 14 / под ред. О. Я. Баева. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2011. С. 15—24.